

CONTEMPORARY APPROACHES TO DIALECTOLOGY

The Area of North, North-West Russian and
Belarusian Dialects

edited by

Ilja A. Seržant & Björn Wiemer

BERGEN 2014

Reflections on the Use of *Cokanje* in Russian Business Documents of the Sixteenth and the Seventeenth Centuries

Elena A. Galinskaja

К проблеме отражения цоканья в памятниках русской деловой письменности XVI–XVII веков

Е.А. Галинская

ABSTRACT

Manuscripts of the sixteenth and the seventeenth centuries from Russian regions where *cokanje* is still attested today show almost no traces of this phenomenon, even though the confusion of the letters *ц* and *ч* can be observed in earlier manuscripts. If such cases appear in a manuscript dating from the sixteenth or the seventeenth century, we can deduce that *cokanje* existed in the dialect of the scribe. However, this raises the question of how *cokanje* could be almost entirely absent from Russian business documents of the sixteenth and the seventeenth centuries. I argue that it is possible for some simple rules to be formulated that could have helped scribes to use the letters *ц* and *ч* according to the norm and yet conceal the fact that their dialects had *cokanje*.

Памятники русской деловой письменности XVI–XVII вв., созданные на тех великорусских территориях, говоры которых и поныне характеризуются неразличением аффрикат, включают в себе одну до сих пор не объясненную особенность—они практически не отражают цоканья. А ведь в старейших новгородских письменных источниках (XI–XII вв.) взаимная мена букв *ц* и *ч*, которую можно считать проявлением неразличения аффрикат, встречается нередко, причем характерна она не только для текстов делового и бытового содержания, но и для книжных памятников, написанных

на церковнославянском языке. Ср. некоторые примеры из текстов XI–XII вв.:

Некнижные тексты: **цѣтъ** (в традиционной орфографии—**что**) Бер. гр. № 752, вт. пол. XI в., **сѣлюци** (действ. прич. наст. вр.—И. пад. ед.ч. ж.р.) Там же, **поцѣньши** (в традиционной орфографии—**поченьши**) Там же, **цѣто** Бер. гр. № 422, сер. XII в.; **полѣ цѣтвѣртѣ грѣнѣ, оу Ѡмница** Бер. гр. № 381, XII в., **грамотичу** Бер. гр. № 424, перв. четв. XII в. и т.д.¹

Книжные тексты: **видѣчь, пѣвьчь** Новг. служ. Миней (сентябрь) 1095–1096 гг., л. 34, **конѣча** (В. пад. мн.ч.) Там же, л. 86 об.,² **моу-ченице** (Зв. ф.) Стихирарь сер. XII в. (ГИМ, Син. 279), л. 21 об., **вѣньцаемѣ** (1 л. мн.ч.) Там же, л. 122 об., **чѣвьчь** Там же, л. 66 об. и т.д.³

От несколько более позднего периода—XIII–XV веков—до нас дошли не только новгородские памятники, но и рукописи, созданные носителями псковского и смоленского диалектов. Некнижные тексты псковского и смоленского происхождения этого периода немногочисленны, но цоканье в них отражается регулярно.

Ср.: **цѣто** Пск. берест. гр. № 7, посл. треть XIII в.,⁴ **Ѡо вси^х сочки^х** Гр. Пскова Колывани 1418–1419 гг.,⁵ **ѡцна** (= отчина), **ѡцнѣ** (В. пад. ед.ч.) **свѣци** Духовная Акилины 1417–1421 гг.;⁶ **ѡцекѣ, цѣго, на-шихѣ кѣпцинѣ, полѣтрѣадѣчати** (sic) **ѡчекѣ, полѣтрѣадѣчати** Гр. пск. князя Ивана Александровича 1463–1464 гг.;⁷ **ѡрица** (Р. пад. ед.ч. от слова **ѡричѣ** ‘полицейский чин’), **всемѣ коуп-чемѣ** Смоленская грамота 1229 г., сп. А⁸ и т.д.

1 Грамоты опубликованы в книге (Зализняк 2004).

2 Публикацию новгородских служебных миней см. в издании (Ягич 1886: 050, 0120).

3 Материал из неизданной рукописи Стихираря см. в работе: (Живов 2006: 103, 104).

4 Грамота издана в книге (Зализняк 2004: 517).

5 См. публикацию грамоты (Зализняк 2004: 692).

6 Цитируется по изданию (Марасинова 1966: 72–73).

7 Грамота издана А. А. Шахматовым, см. (Шахматов 1912: 349–50).

8 Смоленская грамота издана в книге (Аванесов 1963: 20–25).

В значительно большем количестве дошли до нас книжные тексты, происходящие из Пскова, и в них цоканье находит чрезвычайно широкое отражение. Так, во всех написанных на церковнославянском языке рукописях, которые исследовались А.И. Соболевским (1884, 1888), Н.М. Каринским (1909, 1928), Т.Н. Кандауровой (1957), взаимная мена букв **ц** и **ч** непременно представлена, причем есть такие рукописи, где случаи этой мены исчисляются сотнями. Например, Н.М. Каринский (1909: 104, 29, 135) в Сборнике Синодальной библиотеки № 68/270 XV в. насчитал 200 случаев мены **ц** и **ч**, в Палее 1494 г. — 400, а в Сборнике Софийской библиотеки № 1262 — 600 подобных случаев.

Совершенно иная картина вырисовывается в рукописях XVI–XVII вв.

В *псковских* отказных и отдельных книгах, а также челобитных грамотах первой половины XVII в. общим объемом примерно 800 листов⁹ смешение букв **ц** и **ч**, столь характерное для древних псковских памятников, не представлено. Есть лишь этимологически неясные случаи, считать которые отражением цоканья можно только под большим вопросом. Это топонимы *Дръцыно* № 8455–47, *Цыцыно* № 8461–588 об. и название одной из пустошей — *Цебецка в бору* № 8455–171 об.¹⁰ Однако отсутствие достоверной мены букв **ц** и **ч** не означает, что неразличения аффрикат в XVII в. в псковских говорах не было. Дело в том, что мы располагаем надежными свидетельствами наличия цоканья в псковском диалекте начала XVII в., которые извлекаются из словаря-разговорника Тённиса Фенне (Jakobson et al. 1961), написанного в Пскове в 1607 г. По наблюдени-

9 Были исследованы: 1) Псковская отдельная книга 1618–1623 гг. (599 лл.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8455; 2) Псковская отдельная и отказная книга 1613–1658 гг. (лл. 32–38 об., 43–48, 105–110, 112–117 об., 236–237, 344–347 об., 356–357, 366–369, 377–379 об., 420–424, 457–462, 481–484 об., 586–593 об., 606–611 об., 625–641 об., 647–650, 659–670, 682–685 об., 687–727 об., 778–780 об., 786–791 об., 797–814 об., 820–821, т. е. черновые записи с 1626 по 1649 гг. — всего 179 лл.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8461; 3) 5 челобитных 1626 г. из неоклеенных столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23349; 4) 26 челобитных 1627 г. из неоклеенных столбцов Поместного приказа по Псковскому уезду — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23350.

10 В XIX веке в Псковской губернии имелись следующие населенные пункты: Дреча, Цициборка, Цыциха, Цецы (см. Сп. нас. мест... Пск. губ.: № 5785, 8044, 13326, 7468, 8327).

ям С.М. Глускиной и Н.В. Большаковой, сделавших сплошную выборку примеров из 120 листов «разговорной» части этого памятника, преобладающим знаком для <ц> и <ч> является *tz*, причем <ц> передается этим буквосочетанием в 97% случаев, а <ч>—в 88%. Остальные обозначения аффрикат совпадают частично, тогда как несовпадающие знаки составляют ничтожный процент (см. Глускина/Большакова 1988: 18–20). Конечно, можно было бы допустить, что, будучи носителем нижненемецкого языка, Фенне просто не смог различить на слух две русские аффрикаты, если цоканья в псковском диалекте начала XVII века не было. Нижненемецкий язык того периода, о котором идет речь, не различал согласные [s] и [ʃ] (см. Schirmunski 2010: 421–422), и аффрикат в нем также не было. Однако Фенне отличие между русским твердым [s] и [ʃ] слышал. Об этом мы судим на основании того, что, передавая русские слова, в соответствии с русским [s] он писал *s* и *sz*, в соответствии с [z]—*s*, *sz*, в единичных случаях *z* (глухие и звонкие согласные ему различить было трудно), а в соответствии с русскими [ʃ]—чаще всего *sch* или *sh* и в соответствии с русским [ž]—*sz̄* и *š̄*.

Ср.: *скоро*—*skoro*, *сѣбота*—*subota*, *звѣзды*—*svieszdi*, *взошло*—*ffzoschlo*, *прошлон*—*proschloi*, *ершъ*—*iersch*, *промышленик*—*promuischlenik*, *шоломъ*—*sholom*, *жона*—*sz̄ona*, *жолтокъ*—*š̄oltock*. (Jakobson et al. 1961: 31, 32, 34, 35, 36, 40, 51, 56, 72, 81—по факсимильному изданию рукописи; Hendriks & Schaecken 2008: те же стр.—по электронному изданию, где записи переданы современным шрифтом).

Значит, если бы в псковском диалекте начала XVII века аффрикаты различались, Фенне услышал бы это, так как в составе свистящей аффрикаты слышится [s], а в составе шипящей аффрикаты—[ʃ]. Следовательно, регулярное обозначение этимологических *с и *č одним и тем же способом свидетельствует о том, что записи Фенне действительно отражают диалект, который аффрикаты не различал. При этом написанные носителями того же диалекта русские скорописные памятники проявлений цоканья не дают.

Западная часть псковских говоров и сейчас характеризуется цоканьем, по преимуществу твердым (см. ДАРЯ 1: карта 47), хотя

на фоне цоканья можно услышать [ч] и иногда даже [ч'] в соответствии с <ч> литературного языка (см. там же: карта 45).

Наблюдается твердое цоканье и в современных *смоленских* говорах, а именно в северной их части (ДАРЯ 1: карты 45, 46, 47). Поэтому логично предположить, что и в XVI–XVII вв. смоленский диалект был цокающим (свидетельства того, что он не различал аффрикаты в более ранний период, приведены выше). Однако в смоленских рукописных источниках начала XVII в. это практически не отражается. Так, в обширном своде деловых документов смоленского происхождения, хранящихся в Швеции и изданных в 1912 г. Ю.В. Готье под названием «Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг.», встречено лишь несколько случаев мены букв *ц* и *ч*: *скляноцку* (текст № 143 — 2 раза), *человали* (текст № 32).

В памятниках деловой письменности, созданных в интересующий нас период на тех *северновеликорусских* территориях, говоры которых в настоящее время характеризуются цоканьем, также практически повсеместно отсутствуют случаи смешения букв *ч* и *ц*, на что неоднократно указывали исследователи (Елизаровский 1958: 27–28; Колесов 1972: 354; Копосов 1967: 192–193; Копосов 1971: 10; Копосов 1977: 83–84; Бегунц 2006: 11).

Итак, поскольку тексты делового содержания XVI–XVII вв., происходящие из заведомо «цокающих» регионов, почти не отражают цоканья, чрезвычайно показательными и важными для русской исторической лингвогеографии становятся единичные случаи отражения неразличения аффрикат в деловых текстах XVI–XVII вв., написанных там, где в настоящее время цоканье *не* фиксируется.

В качестве примера можно привести материал памятников делового письма, созданных в Тихвинском Успенском и Александровом Свирском монастырях в конце XVI–первой половине XVII века (нами было исследовано 46 книг хозяйственного содержания общим объемом около 3000 лл., хранящихся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН, фонды 3 и 132). По современной лингвогеографической номенклатуре говоры, на территории распространения которых были созданы данные тексты, составляют Ладого-Тихвинскую и Онежскую группы севернорусского наречия. Этим говорам ныне свойственно последовательное *различение* аффрикат <ц> и <ч>. Цоканье же

здесь отмечается лишь в единичных населенных пунктах, в рассеянном распространении, причем бывает как твердым, так и мягким (ДАРЯ 1: карта 47).

В исследованных скорописных текстах конца XVI–первой половины XVII в. встречено несколько случаев замены *ц* на *ч*: *на Угле*¹¹ (ф. 132, № 30, л. 9), *з Зари*¹² (ф. 132, № 12, л. 3), *на поруцы* (ф. 132, № 1, л. 105 об.),¹³ *пшени*¹⁴ (ф. 132, № 30, л. 3 об.). Наличие этих немногочисленных написаний—при учете сугубой редкости отражения цоканья в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв.—можно считать надежным свидетельством того, что в указанный период данный диалект (а это была северо-восточная новгородская периферия) еще сохранял неразличение аффрикат.

Несколько сложнее решить вопрос о том, как обстояло дело с аффрикатами в собственно новгородском говоре того же периода. Для древненовгородского диалекта, цоканье, как известно, было характерной чертой, а современные новгородские говоры, так же, как ладого-тихвинские и онежские, в массе своей его уже не знают (ДАРЯ 1: карта 47). Обращение к скорописным источникам конца XVI–первой половины XVII в. не привело к выявлению в них случаев цоканья. Нами были изучены памятники деловой письменности конца XVI–первой половины XVII в., хранящиеся в РГАДА: около 280 челобитных грамот (фонд 1209, опись 1243—столбцы 23458, 23459, 23460, опись 1245—столбцы 42757, 42768, 42777а, 42788, опись 1246—столбцы 34280 43363, 4331) и три книги делового содержания общим объемом 524 лл. (фонд 137, оп.1 (45. Новгород), №№ 13, 13 б и 32). Во всех этих текстах мена букв *ц* и *ч* не встретилась ни разу. Обнаружены лишь написания *постритца* (ф. 1209, оп. 1245, № 42757, дело 12, л. 1–2 раза), и *пострътца* (ф. 1209, оп. 1246, № 43363, дело 43, л. 1). То произношение, которое за ними стоит, появилось, должно быть, в результате наличия только одной свистящей аффрикаты и слияния ее с звуком [с] постфикса, которое сопровождалось отвердением: *постри[ц'с'a] → постри[ц;a]*. Однако невозможно определить, отражают ли эти написания еще существовавшее в первой половине XVII в. цоканье или же они свидетельствуют лишь о наличии его следов. Дело в том, что произношение инфинитивов возвратных глаголов с основами на **k* и

11 *Поручи*—короткие рукава в облачении священнослужителей.

*g типа *постри[ц:a]* могло лексикализироваться и сохраниться в диалекте уже после утраты цоканья. Именно так произошло с формами деепричастий типа *ушоццы*, которые получили данную огласовку тогда, когда в новгородском диалекте еще имелось цоканье, но присутствуют в новгородских говорах до сих пор—при том, что ныне эти говоры аффрикаты уже различают (см. Кузнецов 1973: 88).

И, наконец, остается сделать попытку определить, почему же в XVI–XVII вв. локальные памятники письменности делового содержания почти не отражают цоканья. Эта произносительная особенность, наверняка, стала восприниматься как ярко диалектная и не соответствовавшая стандартам делопроизводства—ведь писцы в местных канцеляриях ориентировались на орфографические нормы приказного языка, сложившиеся в Москве, говор которой аффрикаты всегда различал. Поэтому писцы—уроженцы тех областей, где было распространено цоканье, чувствуя ненормативность смещения букв *ц* и *ч*, должно быть, как-то научались употреблять эти буквы правильно.

Объяснение тому, как в древнейший период писцы новгородских рукописей книжного содержания могли освоить в достаточной степени верное употребление аффрикат, предложил В.М. Живов. Он вывел правило, которым могли руководствоваться писцы:

- (А) Если в разговорном языке слышится [k'], то в книжном письме пишется *ц*.¹²
- (В) Если в разговорном языке слышится аффриката, а предшествующая буква не *ь* и не *и*, в книжном письме пишется *ч*.
- (С) Если в разговорном языке слышится аффриката и предшествующей буквой является *ь* или *и*, то в книжном письме *ч* пишется а) в формах Voc. Sg. существительных мужского рода, б) перед суффиксами, начинающимися с *ь* или *и*, в) в глагольных формах и отглагольных образованиях, г) в прилагательных; *ц* пишется в падежных формах существительных, кроме Voc. Sg. существительных мужского рода (Живов 1984: 267–68; 1986: 297).

12 Имеется в виду то, что в древненовгородском диалекте не прошла вторая палатализация заднеязычных согласных.

По мнению В.М. Живова (1986: 297), существование данного правила подтверждается статистикой ошибок, которые допускали новгородские писцы: они редко ошибались там, где верное написание обеспечивается правилами (А) и (В), и часто ошибались там, где приходилось прибегать к более сложному правилу (С). Действительно, совершенно очевидно, что первые два правила в силу своей простоты древнему книжнику могли быть вполне доступны, тогда как пользоваться третьим правилом, не имея специального филологического образования, было, конечно же, весьма и весьма затруднительно. Впрочем, каким-то книжникам это, видимо, удавалось. Так, есть ряд ранних памятников церковнославянской письменности, написанных, возможно, в Новгороде, где цоканье не отражается ни разу. К числу таких текстов относятся, например, Остромирово евангелие 1056–1057 гг., Мстиславово евангелие начала XII в., Юрьевское евангелие ок. 1120 г. (см. об этом: Успенский 2002: 203). Большинство же писцов со сложным грамматическим правилом просто не могло справиться, отчего они неизбежно делали ошибки в употреблении букв *ц* и *ч*, что усугублялось еще и разнообразием лексики книжных текстов. Не исключено, правда, что в новгородско-псковской зоне цоканье было свойственно не только разговорному, но и книжному произношению, так что правильное написание *ц* и *ч* могло быть чистой орфографической условностью (см. Успенский 2002: 204).

Писцы деловых текстов XVI–XVII веков ошибок в употреблении букв *ц* и *ч*, как было показано выше, практически не делали. Скорее всего, они руководствовались какими-то более или менее несложными правилами, регулировавшими употребление *ц* и *ч*, которым их обучали, когда они приобретали профессиональные навыки, и это были другие правила, чем те, которые сформулированы В.М. Живовым для новгородско-псковского книжного письма раннего периода. Следует сказать, что слова и формы с аффрикатами в текстах делового содержания XVI–XVII вв. достаточно частотны, но эта частотность во многом обусловлена регулярным упоминанием имен собственных—фамилий, прозвищ и местных географических названий. При этом за пределами ономастики лексика деловых текстов этого периода не слишком многообразна, что облегчало писцам следование норме. Для того чтобы выяснить, можно ли сфор-

мулировать некое относительно простое правило употребления букв *ц* и *ч* применительно к деловой письменности XVI–XVII вв., нами была проанализирована выборка написаний из упоминавшихся выше псковских челобитных грамот, а также отказных и отдельных книг. Именно псковские, а не какие бы то ни было другие тексты были выбраны для этой цели потому, что, благодаря наличию записей Т. Фенне начала XVII в., мы можем быть уверены в том, что псковский диалект был в этот период цокающим. Необходимо пояснить, что составители отказных книг и челобитных были местными уроженцами, а не писцами, присланными из центра, какими являлись, например, составители писцовых и дозорных книг. Что касается отказных книг, то исследование документов данного жанра деловой письменности, созданных на разных территориях, показывает, что эти книги (а сходные по форме и содержанию отказные книги иногда называются по-разному: отдельными, обыскными, описными, отписными, мерными, меновными, поступными, раздельными, сыскными (Ващенко 1982: 34) всегда писались людьми местными — писцами-профессионалами и непрофессионалами, церковнослужителями и мирянами (см. Котков 1980: 125). Что же касается челобитных, то, хотя имена писцов, составлявших их, не указаны, не остается сомнения в том, что писались они в Пскове и его окрестностях, так как на оборотах многих из них имеются «приложения рук» местных жителей.

Оказалось, что те орфограммы с *ц* и *ч*, которые обнаруживаются в текстах отказных книг и челобитных грамот, можно расклассифицировать по некоторым рубрикам, которые человеку, обучавшемуся чтению по складам и, таким образом, понимавшему, по крайней мере, разницу между гласными и согласными, научившемуся писать и ставшему профессиональным писцом, видимо, было не столь уж и сложно осознать. Классификация, естественно, не может строиться на грамматических критериях и должна быть максимально простой. При этом облегчающим фактором является то, что в отказных книгах и челобитных лексика далеко не разнообразна. Итак, получившаяся классификация представлена ниже.

I. Буква *ц* пишется:

1) В словах, оканчивающихся на *-ец*, таких, как *дворец, жилиец, старожилец, новгородец, отец, писец* и др.

2) В словах на *-ица (-ицы), -ице*.

Ср. лексемы из рукописей: *ярица, пишеница, помѣстиеце, Троица, Богородица, Мар(ѣ)ица, Настас(ѣ)ица, Оксен(ѣ)ица, <пустоши> Глазница, Щеголица, Ржевицы, Рѣпицы, Язвицы, <деревни> Опочица, Опочицы, Ключицы, Липовицы, Пияницы, <реки> Изгожица, Дубеница и др.*

3) В словах на *-ицын (-ицыно)*.

Ср.: *помѣщицын, <фамилии> Спицын, Проскурницын, Ослицын, <пустоши> Бахлицыно, Галицыно, Елицыно, Рѣпицыно, Чепеницыно* и др.

4) В словах на *-ицкой, (-ицкое, -ицкая)*.

Ср.: *лю(д)ицкой, новгоро(д)ицкой, помѣщицкой, пятницкой, со(т)ицкой, Во(д)ицкая пятина, <фамилии> Сумороцкой, Заболоцкой, Крыпeticкой монастырь, Чу(д)ицкое озеро, <уезды> Вороцкой, Вороноцкой, Красногороцкой, Опочецкой, <засады> Завелицкая, Прудикая, <губы> Богородицкая, Демяницкая, Дубоцкая, Заболоцкая, Знахницкая, Кривовицкая, Кудикая, Невадитицкая, Оклюдицкая, Пецкая, Пятницкая, Старицкая, Утрѣцкая, Шемерицкая* и др.

То, что остается после запоминания конечных частей слов, в которых пишется *ц*, в основном уложится в следующее правило:

5) *ц* пишется после согласных, в том числе [j], обозначаемого буквой *и*.

Ср. лексемы и формы, употребляемые в рукописях: *дворцовый, писцовый, кормица (инф.), сельцо, пятнадцать, двадцать, тридцать* (и др. числительные на *-дцать*),¹³ *Онцыфорко, Глупицово, Голцово, Лысцово, Михал(ѣ)цово, Овцыно, Вопцыно, Огурцово, <пустоши> Вишвицева, Заходцы, Яблонцы, Яловцыно, Бешенцов, Волинов, Рупцов, Скобел(ѣ)цын, Четинцев, Заицев* и др.

13 Впрочем, обычно перед *ц* здесь пишется не *д*, а *т*.

II. Буква *ч* пишется:

- 1) После гласных (кроме позиций, описанных в пп. 1–4 раздела I, т.е. кроме слов, оканчивающихся на *-ец*, *-ица/-ицы*, *-ице*, *-ицын/-ицыно*, *-цкой*).

Ср. лексемы и формы из рукописей: *беречи*, *волочиться*, *дача*, *додача*, *придача*, *Удача* (прозвище), *дочь*, *дьячек*, *Троица Живоначная*, *нынеча*, *нонечи*, *нечим*, *очистить*, *очи*, *окол(ь)* *ничей*, *паточевина*, *пречистая*, *починок*, *рѣчка*, *стоячий*, *соячина*, *страдничья <вина>*, *Глебачево*, *Головачево*, *Овечкино*, *Опочецкой*, *Свечино*, *Сохачево*, *Бачманов*, *Головачев*, *Крячков*, *Лачюгин*, *Толмачев*, *Исачко*, *Трет(ь)ячко*, *Вешнячко*, *Иванович*, *Дмитриевич*, *Яковлевич* и др. отчества, *безоброчно*, *мьл(ь)ничный*, *поличное*, *посылочный*, *приправочный*, *прожиточный* и др. слова с сочетанием *чн*.

- 2) В начале слова.

Ср.: *чело*, *челобитная*, *челобитье*, *через*, *чорной*, *Чорныи* (прозвище), *четыре*, *четыреста*, *четь*, *четверик*, *четвертной*, *что*, *Чудцкое озеро*, *Чанцево*, *Черноусово*, *Чюраково*, *Чепеницыно*, *Чиркин*, *Четинцев* и др.

Имеется, конечно, некоторое количество слов, традиционное написание которых не укладывается в рамки этих правил. Такие слова есть и в исследованных рукописях. Это, во-первых, лексемы с начальным *ц*: *царь*, *церковь*, *Цыбин*, *Цыбино*, а во-вторых, отдельные слова, где *ч* находится после согласных, например, *вопче*, *Горнчарово*, *на рекѣ на Жолчи*. Естественно, что сформулированное не самым сложным образом правило не может покрывать всех случаев употребления букв *ц* и *ч*, но то, что оставалось за его пределами, составляло небольшой массив слов, многие из которых нетрудно было запомнить. Так, начальное [ц] встречалось в русском языке XVII века в весьма ограниченном количестве случаев (например, *царь*, *цѣлый*, *цѣпѣ*, *цѣтъѣ*, *цѣловати*, *цѣловальникѣ*, *цѣна*), и те лексемы, в которых буква *ц* в начальной позиции писалась орфографически правильно, вероятно, запоминались без особого труда. Слово *вопче* (*вобче*) частотно в отказных книгах, к его написанию с *ч* привыкнуть было легко; местные топонимы писцам, живущим и работающим в том регионе, где эти топонимы бытуют, должны

были быть в основном известны—и в том числе их орфографический облик, так как при составлении документов важно правильно передавать названия населенных пунктов, о которых идет речь. И вообще, писцы-профессионалы обладали какой-то степенью грамотности, они, скорее всего, были знакомы с документами, приходившими из центра, и правописание некоторого круга слов могли помнить.

Итоги

Таким образом, в ситуации неразличения [ц] и [ч] возможно существование относительно простых правил, которые позволяли составителям деловых документов писать в соответствии с орфографической системой, базирующейся на основе говоров, где такое различие есть. Этим, видимо, и объясняется то, что в памятниках XVI–XVII веков, написанных на «цокающих» территориях, неразличение аффрикат практически не отражается. При этом правила частично обусловлены содержанием текстов делового содержания, то есть их лексическим наполнением.

Литература

- Аванесов, Р.И. (ред.), 1963, *Смоленские грамоты XIII–XIV веков*, Москва: Академия Наук СССР.
- Бегунц, И.В., 2006, *Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в*, Автореф. диссертации... кандидата филологических наук, Москва.
- Ващенко, Т.Ф., 1982, «К изучению отказных книг», В.Г. Демьянов и В.Ф. Дубровина (ред.), *История русского языка: исследования и тексты*, Москва, с. 19–40.
- Глускина, С.М. и Н.В. Большакова, 1988, «Разговорник Т. Фенне как источник для изучения псковского диалекта XVII века», *Псковские говоры в их прошлом и настоящем*, Л.Я. Костючук (ред.), Ленинград, с. 16–24.
- Готье, Ю.В. (ред.), 1912, *Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг.*, Москва.
- ДАРЯ 1, 1986, *Диалектологический атлас русского языка: центр Европейской части СССР*, Р.И. Аванесов и С.В. Бромлей (ред.), Вып. 1. *Фонетика*, Москва.

- Елизаровский, И.А., 1958, *Язык Беломорских актов XVI–XVII вв.*, Архангельск.
- Живов, В.М., 1984, «Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII века», *Russian Linguistics* 8, с. 251–93.
- Живов, В.М., 1986, «Еще раз о правописании ц и ч в древних новгородских рукописях», *Russian Linguistics* 10, с. 291–306.
- Живов, В.М., 2006, *Восточнославянское правописание XI–XIII века*, Москва.
- Зализняк, А.А., 2004, *Древненовгородский диалект*, Москва.
- Кандаурова, Т.Н., 1957, «К истории древнепсковского диалекта XV века: (О языке псковского Пролога 1383 г.)», *Труды Института языкознания АН СССР*, Москва, с. 178–86.
- Каринский, Н.М., 1909, *Язык Пскова и его области в XV веке*, Санкт-Петербург.
- Каринский, Н.М., 1928, «Паремийник 1271 года как источник для истории Псковского письма и языка», В.Н. Перетц (ред.), *Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского*, Ленинград, с. 233–37.
- Колесов, В.В., 1972, «Различительные особенности языка и письма в северновеликорусских рукописях из собрания Пушкинского дома», А.М. Панченко (ред.), *Рукописное наследие Древней Руси*, Ленинград, с. 337–71.
- Копосов, Л.Ф., 1967, «Фонетика вологодских говоров XVI–XVII вв.: (По данным местной письменности)», *Ученые записки МОПИ* 204 (14), с. 185–96.
- Копосов, Л.Ф., 1971, *Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология*, Автореф. диссертации... кандидата филологических наук, Москва.
- Копосов, Л.Ф., 1977, «Унские грамоты XVI–XVII вв.», *История русского языка: Лингвистический сборник* 7, с. 80–89.
- Котков, С.И., 1980, *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, Москва: Наука.
- Кузнецов, П.С. (ред.), 1973, *Русская диалектология*, Москва.
- Марасинова, Л.М., 1966, *Новые псковские грамоты XIV–XV веков*, Москва.
- Соболевский, А.И., 1884, *Очерки из истории русского языка* 1, Киев.

- Соболевский, А.И., 1888, «Псковский Трефолий 1446 г.», *Русский филологический вестник* 19 (1–2), с. 228–32.
- Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел 34, *Псковская губерния*, Санкт-Петербург, 1885.
- Успенский, Б.А., 2002, *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*, Москва.
- Шахматов, А.А., 1912, «Грамота псковского князя Ивана Александровича», *Известия ОРЯС* 17 (3), Санкт-Петербург, с. 346–50.
- Ягич, И.В., 1986, *Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь*, Санкт-Петербург.
- Jakobson et al., 1961, *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian* 1, Facsimile Copy, eds. L.L. Hammerich, R. Jakobson, E. von Schooneveld, T. Starck & A. Stender-Petersen, Copenhagen.
- Hendriks, Pepijn & Jos Schaeken, 2008, *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607: An Electronic Text Edition*. Version 1.1, URL: www.schaeken.nl/lu/research/online/editions/fenne11.pdf.
- Schirmunski, V.M., 2010, *Deutsche Mundartkunde: Vergleichende Laut- und Formenlehre der deutschen Mundarten*, ed. L. Naiditsch, Frankfurt am Main.